

⁴⁹ *Переверзевцев С. В.* Мирозрение В. Н. Татищева в оценке советских историков // Идеология и культура феодальной России. Горький, 1988. С. 63.

⁵⁰ Атеней. 1858. № 46. С. 149.

⁵¹ Там же. С. 165.

⁵² *Попов Н. А.* Ученые и литературные труды В. Н. Татищева. С. 40.

⁵³ См. подробнее: *Воробьева И. Г.* Некоторые источники обоснования идеи славянского единства в русской историографии // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 70–77.

⁵⁴ См.: НИОР РГБ. Ф. 239. П. 4. Д. 19. Л. 15.

⁵⁵ *Попов Н. А.* Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 год // Русский вестник. 1859. Т. 17. С. 52–98.

⁵⁶ НИОР РГБ. Ф. 239. П. 9. Д. 1. Л. 9.

⁵⁷ См.: *Воробьева И. Г.* К предисловию первого издания тверской рукописи Юрия Крижанича // Переписка славистов как исторический источник. Тверь, 1995. С. 83–94.

⁵⁸ В письме к В. О. Ключевскому от 25 января 1889 г. Попов настаивал, «чтобы к чтению проекта приступили безотлагательно» (См.: НИОР РГБ. Ф. 131. П. 33. Д. 41. Л. 1).

⁵⁹ *Делидов И. А., Ииутин В. В.* Общество истории и древностей российских при Московском университете // История и историки. 1975. М., 1978. С. 250–280.

⁶⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1139. Л. 28 об.

⁶¹ *Попов Н. А.* Н. И. Надеждин на службе в Московском университете в 183–1835 гг. // ЖМНП. 1880. № 1. С. 1–43.

С. В. Сафронова

«РУССКАЯ СТАРИНА» И ЦЕНзуРА (Эпизод с Н. Ф. Дубровиным и И. А. Бычковым)

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук в фонде Афанасия Федоровича Бычкова мною было обнаружено письмо Николая Федоровича Дубровина, адресованное историку Ивану Афанасьевичу Бычкову: «Многоуважаемый Иван Афанасьевич. Книжку Русской Старины задержали и Вашу статью не пропускают. — Поеду сейчас объясняться. — Не найдете ли возможным зайти ко мне сегодня часов [в] 8 вечера и тогда переговорим. Искренно преданный. [Подпись]. 29 января [1]903 [г.]».¹

Являясь редактором журнала «Русская старина» (1896–1904), Н. Ф. Дубровин тесно сотрудничал с Бычковыми: отцом (Афанасием Федоровичем) и сыном (Иваном Афанасьевичем). Об этом свидетельствуют его письма к Бычковым, которые в основном связаны с научными изданиями в «Русской старине».

В обнаруженном мною письме речь идет о статье И. А. Бычкова «Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского. Неизданная глава из „Жизни графа Сперанского“ барона М. А. Корфа. (Из бумаг академика А. Ф. Бычкова)», первая корректура которой впоследствии осталась в фонде А. Ф. Бычкова.² На корректуре надпись синим карандашом: «Статья в том виде, как она не пропущена цензурою». На некоторых страницах корректуры таким же карандашом подчеркнуты слова и целые предложения. Сравнение текста этой корректуры с публикацией в февральском номере журнала «Русская старина» (1903. № 2. С. 211–234) свидетельствует, что в окончательном варианте статья издана без тех мест, которые были подчеркнуты цензором.

Надо сказать, что это — не единственная публикация в журнале «Русская старина», так или иначе связанная с именами М. А. Корфа и М. М. Сперанского. В разные годы

(1899, 1900, 1902, 1903, 1904) И. А. Бычковым и Н. Ф. Дубровиным были опубликованы документы и материалы, касающиеся этих двух государственных деятелей.³

В работе И. В. Ружицкой, посвященной деятельности М. А. Корфа, об упомянутой выше главе сказано следующее: «Правда, существует такая статья Корфа „Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского”». Но после названия указано: „Неизданная глава из «Жизни графа Сперанского»»; кроме того, *слишком уж небольшой у нее объем* (курсив мой. — С. С.) — РС. 1903. № 2. С. 224–234».⁴ Однако И. В. Ружицкая не обратила внимания на то, что статья является второй частью (т. е. продолжением) главы, первая часть которой была опубликована в № 1 журнала «Русская старина» за тот же год. Объем статьи в целом составляет 41 журнальную страницу и соответствует главе книги.⁵

Но именно вторая часть этой главы вызвала нарекания цензуры. Обращает на себя внимание тот факт, что места, которые вызвали замечания цензора, относятся в основном не к суждениям самого автора, а к использованным им источникам (документам). Причем эти документы и исторические труды, на которые ссылается М. А. Корф, к 1904 г. уже были известны и не являлись чем-то запретным.

Мы не ставили перед собой задачи исследовать все опубликованные в «Русской старине» материалы к труду М. А. Корфа. Интерес вызван самим случаем, связанным с деятельностью Н. Ф. Дубровина (как редактора) и И. А. Бычкова (как публикатора). И хотя сомнения И. А. Бычкова в отношении самого текста имели место,⁶ а Н. Ф. Дубровин, безусловно, был ознакомлен с публикуемым материалом,⁷ надо отдать должное этим историкам, которые все-таки *попытались* издать статью так, как она была написана автором.

Нельзя не согласиться с мнением И. В. Ружицкой, что «даже в самом начале 1860-х гг. <...> Корф не мог придать гласности все факты, собранные им: из своей рукописи Корф изъязл несколько глав, в том числе об удалении Сперанского и „виновниках” этого удаления», понимая, «что „выговори [он] все [ему] известное. то книга совсем и не могла бы явиться в свете”». Тогда, «в 1861-м году <...> книга подверглась жесткой цензуре (некоторые ее главы просматривал сам император)».⁸ И спустя 43 года после выхода в свет «Жизни графа Сперанского» взгляд автора на отношение цензуры к его труду получил свое подтверждение.

Ниже публикуются отрывки из второй части главы «Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского» (по тексту 1-й корректуры, подготовленной И. А. Бычковым). Места, удаленные по требованию цензуры, выделены курсивом; пропущенные или исправленные И. А. Бычковым — отмечены в примечаниях под буквами. Публикация подготовлена в соответствии с правилами издания 1994 г. стилистика языка автора сохранена.

Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского

Неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» барона М. А. Корфа

(Из бумаг академика А. Ф. Бычкова)

Первым по времени сотрудником и наперсником Александра в этих мерах, как после Палена, так еще и при нем, был Дмитрий Прокофьевич Трошинский. Самого низкого происхождения (родился в 1754-м году), не зная ни одного иностранного языка,

учившись и русской грамоте, как он нисколько^а того не скрывал^а, только у приходского дьячка,¹ Трошинский начал службу с нижних чинов в бывшей Малороссийской коллегии; но хорошею головою, прилежанием, большою деятельностью и самообразованием себя посредством чтения всего, что только в то время можно было читать по-русски, вскоре проложил себе путь к возвышению. Приобретя покровительство Репнина и потом Безбородки, он в 1793-м году, уже был секретарем при императрице Екатерине.

«Все доклады сенатские по тяжбыным и уголовным делам, — говорит Грибовский,² — коих разрешение от государыни зависело, он (т. е. Трошинский) рассматривал и по оным указы заготовлял, которые Безбородко только к подписанию ее подносил. Во время поездки сего последнего в Яссы на мирный конгресс все бывшие у него дела препоручены были Трошинскому для поднесения чрез П. А. Зубова; при мирном же торжестве получил он^б в бывшей Польше 1700 душ, а притом велено ему находиться^б при императрице у принятия прошений... Он был (в 1792-м году) около пятидесяти лет, но казался сего старее; роста средственного, имел вид несколько угрюмый. Другьям был друг, а врагам был враг. Он никогда не изменял прежнему своему начальнику и имел вместе с ним в комнатах государыни сильную партию, состоявшую из Марьи Савишны (Перекусихиной), ее племянницы Торсуковой, Марьи Степановны Алексеевой, камердинера Зотова и некоторых других, которых дни рождений и именин граф (т. е. Безбородко) твердо помнил и никогда без хороших подарков в сии дни их не оставлял».

В царствование Павла Трошинский состоял президентом Главного почтового правления и, по вступлении на престол Александра, был назначен главным директором почт, сенатором и — что было всего важнее — докладчиком и главным редактором при лице государя. Участвовал ли он, и в какой степени, в заговоре 12-го марта, еще не разъяснено^в в тех рапсодических и тусклых рассказах об этом мрачном событии, которые, покамест, одни заменяют у нас историю.^в Известно, однако ж, что в роковую ночь Трошинский, вопреки общему тогдашнему обычаю,³ именно велел не запираить ворот своего дома,⁴ и когда, *после совершившегося злодеяния*, в ту же самую ночь за ним прискакал фельдъегерь, он поехал во дворец *с манифестом о восшествии на престол, в перед уже у него заготовленным*. Александр в первые месяцы своего царствования употреблял его перо по всем почти частям управления. По его же мысли был упразднен (26-го марта) Совет, существовавший дотоле при дворе в виде временного установления, и учрежден, вместо того, Совет неперемный, для рассмотрения — как сказано было в указе (30-го марта) — «важных государственных дел». Быв назначен членом этого Совета, Трошинский имел,

^{а-а} В ркл.: в том не скрывался (л. 134 об.).

¹ «Вы смеетесь, — писал он Л. И. Голенищеву-Кутузову 7-го марта 1821 г., — приписывая мне способность ездить рысью на семь крылатом коне (Пегасе), а я и подходить к нему не смею; да и какое я право мог бы на него иметь, когда и русской грамоте (признаюсь, не стыдась) учился только у приходского дьячка».

² Записки А. М. Грибовского в «Русском Архиве» 1899 года. Кн. 1. С. 14.

³ Передано Павлом Ивановичем Авериним, находившимся тогда при Трошинском.

^{б-б} В корректуре пропущено.

^{в-в} Пропущено.

⁴ Он жил близ Синего моста, в доме, где потом помещалось правление российско-американской компании.

вместе, и главное заведование его канцелярией, правителем которой определили тайного советника Вейдемейера. Но милость к Трошинскому была очень кратковременна. В публике стала носиться молва о лихоимственных поступках,⁵ не столько его самого, сколько жившей у него женщины Прасковьи,⁶ и он, вероятно вследствие этих наговоров, хотя и не был прямо удален, но лишился доверия и влияния. При учреждении в 1802-м году министерств,⁷ Трошинский не только уже не участвовал нисколько в этой мере, но и был поражен ею как совершенною нечаянностью.⁸ План сказанного установления⁹ был предложен государю несколькими молодыми людьми, занявшими в деятельности государственной и в доверии императора место павшего Трошинского.

<...> Люди, из которых могли бы выйти порядочные ученики, сами вдруг были призваны учить и руководствовать; управление было для них школою; но в этой школе шла речь не об отвлеченной науке, а о жизни, о бытии, о счастье огромной империи.

Прочими министрами были: малоспособный к делу поэт Державин (юстиции); умный и более других сведущий и опытный Васильев (финансов); бездарные Вязмитинов (военный) и Румянцов (коммерции и путей сообщения); Мордвинов (морской), которого популярность возникла уже позже; наконец Завадовский (народного просвещения), умная украинская голова, некогда столь же славившийся красотою, как и умом.

Ни один из них не находился ни в каких ближайших соотношениях с вышеприведенными союзниками. Еще менее питали к ним расположения: Трошинский, который, после потери милости, оставался только при управлении уделами и почтами; Гурьев, в то время еще праздный, но сильный светскими своими связями товарищ министра финансов; граф Христофор Андреевич Ливен, заведовавший докладами по военной части, и синодальный обер-прокурор князь Александр Николаевич Голицын, также один из друзей детства Александра, оставшийся домашним поверенным его и на престоле, — человек, который умел занимать и рассеивать своего государя, как никто другой. Наконец, в явной оппозиции против триумvirата стоял обер-гофмаршал граф Николай Александрович Толстой, который, всегда находясь при государе и видясь с ним ежедневно, так сказать, ежеминутно, был в тесной дружбе с Голицыным и Гурьевым. Человек без всяких высших видов, даже довольно ограниченный, Толстой с самого начала, а впоследствии еще более, умел достигнуть величайшей милости средствами, противоположными обыкновенным: вместо коленапреклонения и раболепства, он был дерзок и груб со всеми, *с своим повелителем более еще, нежели с другими, доходя даже нередко до прямых ругательств.*¹⁰ ^гВ своем месте мы будем иметь случай подробнее о нем говорить.^г

Но, как же шел и двигался государственный механизм с этими разнородными, частью и враждебными, элементами?

⁵ Передано графом Н. Н. Новосильцовым.

⁶ От этой связи он имел дочь, бывшую впоследствии за князем Хилковым.

⁷ Слышано от Петра Сергеевича Кайсарова.

⁸ Некоторые об этом подробности в «Жизни графа Сперанского». Т. I. С. 95.

⁹ Слышано от Якова Александровича Дружинина.

¹⁰ Слышано от графа А. А. Закревского. — *Memoires du comte Stedingk*. Т. II. P. 257.

^г *Пропущено.*

Ответим на это сперва словами двух современников: Шишкова и Дмитриева.

«Участваовавшие и не участвовавшие в сей перемене (т. е. ²в событии 12-го марта³), — писал первый, — сблизились с двором и заступили важные должности. Все ожидали восстановления прежнего в правительстве духа и устройства. Может быть, не взирая на трехлетнюю, при неопытной молодости, привычку к новизнам, и сбылось бы сие ожидание, если б окружающие юного царя пожилые люди и старики составили единодушную окрест его стражу, не отлучаясь от него, а особливо при самом начале, ни на одну минуту; если б, сравнивая два последние царствования, твердили ему, как первое из них долговременно процветало и величием, и славою, и благоденствием, и как, напротив, второе, оставившее *с ненавистию* пути великой Екатерины и устремившееся с любовью по путям предшествовавшего ей царствования Петра Третьего, продолжалось столь же кратковременно, еще более мятежно, и *кончилось, равно как и то, таким же преступлением, ужасным, но до такой степени для всех возжеланным, что виновники оного не могли быть ни осуждаемы, ни обвиняемы*, если б, говорю, истребляя мало-помалу все нововведенные худости, прежде нежели они возрастут и усилятся, и приведя все гражданское и нравственное в прежний порядок и устройство, приучили они государя, еще не искусного и младого, обращать внимание свое на важные государственные дела и занятия, а не на те, которых существенная часть состоит в одной только наружности и увеселении зрения: тогда бы, вероятно, принесли они великую пользу ему и царству. Но вместо сего, обуянные радостию перемены и безопасностию своею, пустились они в многочудные пиршества, на которых, за пышными столами, с шумом и криком распивали шампанские и венгерские вина, били рюмки и стаканы, читали стихи, прославляли, при всех служителях, гласно и громко, низвержение тиранства и восстановление спокойствия. Шумные празднества сии устрашили двор и дали время оставленному царю сблизиться с подобными себе молодыми людьми, заступившими место веселящихся и празднующих. Чарторыйский, Строганов, Новосильцов, Чичагов и другие сделались его наперсниками.

<...> В быстром нашем очерке мы уже видели, сколько произошло перемен и внутри и вне Александра со времени его воцарения; но мы видели также, сколько они были — не в его пользу. Колеблемость и безуспешность внутренних мер и преобразований; неудачные выборы и замещения; несчастные войны; еще более несчастный Тильзитский мир; наконец, слабая, прекословившая общему мнению и общим пользам политика внешняя, — все это более и более возбуждало умы против правительства и, разумеется, преимущественно против его главы. Связывая эту эпоху с несколько позднейшею, Карамзин, в отважном чистосердечии, писал самому государю:¹¹ «Россия наполнена недовольными. Жалуются в палатах и хижинах. Не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению; строго осуждают его цели и меры... Не будем обманывать себя и государя, твердя, что люди обыкновенно любят жаловаться и всегда недовольны настоящим: сии жалобы разительны их согласием и действием на расположение умов в целом государстве». Шведский посланник Стединг, который перед своим монархом, мог быть, в этом

²⁻³ В ркп.: в низвержении Павла (л. 160).

¹¹ В записке «О древней и новой России». См.: *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. 3-е изд. СПб., 1900. С. 499.

отношении, еще откровеннее, доносил ему, в письме от 28-го сентября 1807 года: «Неудовольствие против императора все возрастает, и на этот счет говорят такие вещи, что страшно слушать. *Не только в частных обществах, но и в публичных собраниях, немало не таясь, толкуют о необходимости перемены правления, даже в таком смысле, что следовало бы изгнать всю мужескую линию царствующего дома, а как и обе императрицы не имеют нужных для престола качеств, то возвести на него великую княгиню Екатерину Павловну*».

И Вигель в своих Записках долго останавливается на перемене в расположении умов, произведенной Тильзитским миром, хотя и извиняя Александра и более порицая его народ. «На Петербург, — писал он, — даже на Москву и на все те места в России, коих просвещение более коснулось, мир сей произвел самое грустное впечатление: там знали, что союз с Наполеоном не что иное может быть как порабощение ему, как признание его над собою власти. *И вот эпоха, в которую нежнейшая любовь, какую только могут иметь подданные к своему государю, превратилась вдруг в нечто хуже вражды, в чувство какого-то омерзения. Я не хвалюсь великою мудростию; но в этом я увидел жестокою несправедливостью русских; мне за них стало стыдно: так презираемые ими черемисы и чуваша секут своих богов, когда они не исполняют их желаний*.

Все, что человек, не рожденный полководцем, может сделать, все то сделал император Александр: что оставалось ему, когда он увидел бесчисленную рать неприятельскую, разбитое свое войско, подкрепленное одною только свежюю, новосформированною дивизиею князя Лобанова, и всем ужасного Наполеона, стоящего уже на границе его государства? Что сказали бы русские, если б за нее впустил он его? И в этом тяжком для его сердца примирении разве не сохранил он своего достоинства? Разве не умел он, побежденный, стать совершенно наравне с победителем и тут явиться еще покровителем короля Прусского? Таким ли бедствиям, таким ли унижениям подвергал себя император Франц II? Что делали его подданные? Делили с ним горе и, с каждым новым несчастьем, крепче теснились к нему и сыновнее его любили».¹²

Будем, однако же, справедливы. Если *в то время* разрушилось очарование; если порвалась цепь взаимного доверия, связывавшая народ с царем; если Россия изменила любви своей к Александру, — то все вины были потом искуплены кровию в годину 1812 года, а Александр в дни своей славы вспомнил только прежнее, *и, когда вместе с счастьем, возвратилось к нему обожание подданных, он не нашел в своем сердце ничего более, как холодное равнодушие, скажем более — презрение к своему народу!*

В описываемое нами теперь время, при таком брожении умов, при разрыве между народом и царем и потерянной доверенности к правительству, при таких трудных и опасных обстоятельствах в жизни государства, и выступил на высшее поприще — Сперанский...

Сообщил И. А. Бычков

¹² Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. II. С. 232-233.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ Архива РАН). Ф. 764. Оп. 5. Д. 15. Л. 17.

² Там же. Ф. 764. Оп. 4. Д. 10. 16 л. В фонде А. Ф. Бычкова хранится и один экземпляр материалов к книге М. А. Корфа (Ч. I — Д. 28; Ч. II — Д. 28а: *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского: Материалы к труду). Интересующая нас статья опубликована из II части материалов (Глава I: О развитии служебной карьеры графа Сперанского. Л. 131–202).

³ 1899: Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. Сообщ. И. А. Бычков — № 5. С. 71–395; № 6. С. 511–542; № 7. С. 3–30; № 8. С. 271–295; № 9. С. 481–515; № 10. С. 25–58; № 11. С. 267–299; № 12. С. 481–521. 1900: № 1. С. 25–56; № 2. С. 317–354; № 3. С. 545–588; № 4. С. 27–50; № 5. С. 261–292; № 6. С. 505–527; № 7. С. 33–55; Записка М. М. Сперанского о вероятностях войны в Францию после Тильзитского мира. Общее обозрение дела. Сообщ. Н. Ф. Дубровин — № 1. С. 57–65. 1902: Несколько данных к истории книги барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (Из бумаг акад. А. Ф. Бычкова). № 1. С. 141–174; К биографии графа М. М. Сперанского. Материалы. Заметки барона М. А. Корфа. № 2. С. 283–306; Деятели и участники в падении Сперанского. № 3. С. 469–508; Ссылка Сперанского в 1812 году. № 4. С. 5–44; Пребывание Сперанского в Нижнем Новгороде и Перми. № 5. С. 231–249; Сперанский в Вликополье и Пензе. № 6. С. 467–468; № 7. С. 45–59; М. М. Сперанский генерал-губернатором в Сибири и возвращение его в Петербург. № 10. С. 35–56; Письма графа В. П. Кочубя к М. М. Сперанскому. 1823–1825. № 11. С. 301–322. 1903: Александр I и его приближен-

ные до эпохи Сперанского. № 1. С. 5–36; № 2. С. 211–34; Сперанский в 1808–1811 г. № 4. С. 29–40; Четыре письма М. М. Сперанского [А. Д. Балашову: 16 февр. 1810; Александру I: 1 янв. 1817, 28 февр. 1817; кн. А. Н. Голицыну: 20 февр. 1817]. № 6. С. 85–88; Дополнительные заметки и материалы к «Жизни графа Сперанского». № 9. С. 497–518. 1904: Из дневника барона М. А. Корфа. № 1. С. 59–98; № 2. С. 275–302; № 6. С. 35–568.

⁴ *Ружницкая И. В.* М. А. Корф — историк: По материалам его архива. М., 1996. С. 23, примеч. 63.

⁵ Ее название в рукописи «Великий князь Александр Павлович. Император Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского». На полях рукой автора написано: «Эта глава должна бы быть 1-ю во Второй части нашей книги, а за нею могла бы следовать нынешняя Первая, но с разными изменениями и, частью, пропусками, так как некоторые из ее предметов изложены — и гораздо подробнее — в настоящей» (СПбФ Архива РАН. Ф. 764. Оп. 4. Д. 10. Л. 76–202).

⁶ Об этом можно судить по пометам карандашом на полях рукописи, некоторые из них в дальнейшем совпали с пометами цензора на корректуре.

⁷ О том, что Н. Ф. Дубровин был знаком с текстом публикации, можно понять из письма И. А. Бычкову от 20 января 1903 г.: «Многоуважаемый Иван Афанасьевич. Буду ждать Вас в среду между 8 и 9-ю часами вечера. Если Вас не затруднит, то захватите с собою то, что Вы мне показывали о Сперанском» (СПбФ Архива РАН. Ф. 764. Оп. 5. Д. 15. Л. 16).

⁸ *Ружницкая И. В.* М. А. Корф — историк. С. 24–25.